Пока не постучат

повесть в девяти этажах и трёх подвалах

ГЛЕБ ЛЮКОВ

Глеб Люков

Пока не постучат

«Автор»

2026

Люков Г.

Пока не постучат / Г. Люков — «Автор», 2026

На девятом этаже у него было небо в окне, тетрадь на столе и море, на которое они с братом в этом году точно поедут. Потом он зацепился за край ковровой дорожки и проснулся этажом ниже.Лифт отсюда ездит только вниз. Сверху на стук не отвечают. Сосед приносит котлеты и предупреждает, что здесь странная акустика: что ни скажешь, всё звучит как правда. А «ладно, потом» оказывается тёплым словом, в которое хорошо заворачивается что угодно.Короткая притча о том, как человек опускается на дно, годами не замечая серой двери с надписью «Выход». Этажи здесь слышны по самому языку: с каждой главой рассказ звучит иначе.

© Люков Г., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пока не постучат 5
9 6
8 7
7 8
6 9
Конец ознакомительного фрагмента. 10

Глеб Люков
Пока не постучат

Пока не постучат

Повесть

9

На девятом этаже у меня было небо.

В самом прямом смысле. Если сесть на подоконник и прислониться виском к холодному стеклу, его было видно целиком, от антенн на соседней крыше до самой макушки, где голубое густело и начинало отдавать в чернила. По вечерам оно наливалось сначала мёдом, потом марганцовкой, потом кто-то наверху поворачивал выключатель, и над городом одно за другим загорались окна других девятиэтажек, жёлтые и квадратные, как моё. Я любил думать, что в каждом из них сидит человек вроде меня и тоже смотрит вверх, и что все мы немного знакомы, просто ещё не успели поздороваться.

На подоконнике снаружи жили голуби. Жили нахально, с той уверенностью, какая бывает только у существ, ни разу в жизни не боявшихся высоты. По утрам они топтались по жести, как по барабану, и будили меня раньше будильника. Я их не гонял. Мы были соседями по этажу, а с соседями я тогда ещё умел ладить.

Кухня у меня была белая, с полоской голубой плитки на уровне глаз, будто кто-то провёл по стене линию горизонта и забыл стереть. Потолок высокий, лампочку меняли со стремянки, а стремянку я одалживал у соседа, потому что своей так и не завёл. Я вообще мало чем обзавёлся. Зато у меня была тетрадь.

Я писал в ней по ночам. Что писал, сейчас уже неважно. Важно, как. Часа в два, когда дом засыпал и холодильник заводил свой ночной монолог, я садился за стол в майке, наливал чай, про который тут же забывал, и писал так быстро, что ручка не поспевала, а мысль бежала впереди неё, как собака на прогулке, и всё оглядывалась: ну где ты там? Иногда я смеялся вслух. Один, в пустой кухне, на девятом этаже, над спящим городом. Если бы кто-нибудь увидел, вызвал бы врача. Но видели только голуби, а голуби свидетели надёжные, никому не расскажут.

По утрам я ходил в бассейн. К шести, пока все спят. Вода сначала обжигала, потом принимала меня за своего, и я плыл, и свет с потолка дрожал на дне длинными золотыми нитками, и после этого весь день был лёгким, будто из меня вынули половину костей и оставили только те, что нужны для смеха.

Раз в неделю звонил брат, и мы спорили, на какое море поедем летом. Брат хотел туда, где тихо. Я говорил: да хоть на какое, лишь бы вода и чтобы горизонт ни во что не упирался. Мы спорили третий год подряд, и я точно знал, что в этом году поедем. Я тогда вообще многое знал точно. Будущее время у меня было в полном порядке, я пользовался им каждый день и ни разу не задумался, кто его обслуживает.

Вот такая была жизнь. Ничего выдающегося. Жизнь человека, у которого в окне небо и на столе тетрадь, и который совершенно не догадывается, что это много.

А споткнулся я на ровном месте.

Был вторник. Я шёл по коридору выносить мусор. В коридоре лежала ковровая дорожка, старая, бордовая, протёртая посередине до ниток, и край у неё вечно загибался, как уголок страницы, которую кто-то хотел запомнить. Я тысячу раз через него перешагивал. А в тот раз не перешагнул. Нога зацепилась, и я сделал тот самый лишний шаг, какой делаешь в темноте на лестнице, когда думаешь, что впереди ещё ступенька. Пол ушёл вниз. Совсем немного, на полшага. В животе ёкнуло, и сразу отпустило.

Ведро я, кстати, удержал. До сих пор считаю это главным достижением того вечера.

8

Падать с девятого этажа, как выяснилось, совсем не страшно. Страшно потом, когда просыпаешься на восьмом и видишь, что потолок опустился ровно настолько, чтобы это заметить, и недостаточно, чтобы закатить скандал.

Ладонь. Может, полторы. Побелка желтоватая, в мелкую сетку трещин, как старая фарфоровая чашка, которую лучше не мыть горячей водой. Люстра чужая, с тремя рожками, один не горит. Окно на месте, только небо в нём теперь по пояс, а ниже пояса соседняя крыша, у антенн которой я раньше видел одни макушки. Голубей нет. Голуби остались наверху. Им-то что, у них крылья.

Первые полчаса я лежал и искал подвох. Мебель стояла как будто моя, но сдвинутая на сантиметр, как в квартире, где побывали воры, ничего не взяли и всё потрогали. Ведро стояло у двери. Его я, как помните, удержал.

Потом я встал на кровать и постучал.

Вежливо, костяшками, как стучат соседям, у которых слишком громко играет музыка, а ссориться не хочется, потому что ещё жить рядом. Три раза. Подождал. Постучал кулаком. Потом, признаться, ладонью, плашмя, со всего размаху, так что сверху на лицо посыпалась побелка и попала в рот. На вкус она была как мел из школьного детства, как контрольная по алгебре, к которой не готовился.

— Эй! — крикнул я. — Я здесь! Я внизу!

Сверху было тихо.

Пустая тишина звенит, в ней слышно, как гудят провода. Эта была плотная, ватная. Так молчат люди, которые прекрасно тебя слышат, переглядываются на кухне и делают телевизор погромче. Я потом хорошо узнаю эту тишину. Но тогда я ещё думал, что наверху просто спят.

Я слез и сел на край кровати. Руки в побелке, колени в побелке. Сердце колотилось так, будто стучать продолжало оно, само, уже без меня.

— Ничего, — сказал я вслух. — Это недоразумение. Утром разберусь.

Утром на кухне обнаружился чайник. Белый, пузатый, с бурой накипью на дне, похожей на карту несуществующего материка: вот полуостров, вот залив, вот горный хребет, на котором никто никогда не бывал. Я налил воды, поставил, сел ждать. Чайник долго молчал, потом начал шуршать, будто внутри кто-то листал газету, потом загудел и щёлкнул.

И знаете что? Мне стало легче. От чайника. Я до сих пор не могу себе этого простить.

7

Как я оказался на седьмом, я не заметил. Заметил только, что небо в окне теперь по грудь, а лампочка в прихожей стала ближе к макушке. Видимо, ночью я ещё раз за что-то зацепился. Во сне ведь тоже ходишь, просто не помнишь куда.

Но сил у меня тогда было много. Злых, весёлых сил, какие бывают в первый день после ссоры, когда ещё уверен, что прав.

Я сел за стол, нашёл в ящике пачку чистой бумаги, положенную туда будто специально, и написал сверху: «Что делать». Подчеркнул. Посмотрел. Звучало как у Чернышевского, то есть безнадёжно. Зачеркнул и написал «План». План звучал бодрее, с ним хотелось вставать по будильнику.

Выяснить, как отсюда подняться.

Позвонить брату.

Море. В этом году точно.

Дописать то, что начал.

Бассейн, хотя бы два раза в неделю.

Прочистить голову.

Над шестым пунктом я просидел минут десять. Как его выполнять? Как понять, что выполнил? Голова не раковина, вантузом не прочистишь. Но вычёркивать было жалко. В этом пункте была какая-то правда, которую я не мог сформулировать, только чувствовал, как сквозняк из-под двери.

Лифт нашёлся в конце площадки: исцарапанные двери, табличка про четыреста килограммов, кнопки, оплавленные чьими-то зажигалками. Я нажал «вверх». Кнопка не загорелась. Я нажал сильнее. Подержал, пока не заныл ноготь. Постучал по ней, как стучат по телевизору, когда пропало изображение.

Ничего.

Тогда, исключительно из научного интереса, я нажал «вниз».

Кнопка вспыхнула тёплым оранжевым светом, где-то в шахте радостно заурчало, и через секунду двери разъехались. Кабина была чистая, светлая, с зеркалом во весь рост. Пахло кофе и чьими-то хорошими духами. Лифт стоял передо мной с открытыми дверями, как официант, который уже отодвинул стул.

Я отступил на шаг.

Двери постояли, подождали. Потом закрылись, неторопливо, без всякой обиды. Это было хуже всего: что без обиды. Как будто там, в шахте, прекрасно знали, что я никуда не денусь.

Лестницу я в тот день не нашёл. Коридор тянулся налево, лампочки горели через одну, а дальше, в самом конце, начиналась темнота, густая, хоть ложку ставь. Я дошёл до последней горящей лампочки и встал под ней, как под фонарём на краю света. Впереди могла быть лестница. Могла быть стена. Могла быть дыра в полу, прямо в подвал, и тогда уж точно с концами.

«Завтра возьму фонарик», — решил я.

Дома я прицепил план к холодильнику магнитом в виде лимона. Магнит висел там до меня, кто-то оставил. План держался криво. Я поправил его дважды, а потом ещё раз, перед сном.

6

Сосед появился на шестом. Вернее, это я появился на шестом, а сосед жил там всегда, лет двадцать, судя по тапкам.

Он позвонил вечером. В руках тарелка, накрытая другой тарелкой, и держал он её бережно, как держат что-то живое, способное убежать.

— Это вам, — сказал он. — Котлеты. Жена наделала, а нам столько не съесть.

За пятьдесят, майка с растянутым воротом, треники с пузырями на коленях. Лицо доброе и чуть заспанное. У таких лиц не бывает плохих новостей.

— Новенький? Слышу, стучишь по ночам.

— Извините.

— Да брось. Все стучат.

Котлеты пахли чесноком и пережаренным луком, тем особенным подгоревшим маслом, каким пахнут все общие кухни на свете. Я вдруг понял, что не ел со вчерашнего утра. Голод, оказывается, никуда не уходил. Стоял себе в очереди за остальными чувствами и ждал, пока до него дойдут.

Я пригласил соседа зайти. Он сел на табуретку у холодильника и на мой план даже не взглянул. Котлеты были суховатые, как в школьной столовой по четвергам, когда к ним давали пюре, которое можно было ставить на ребро. Знаете, бывает еда, которая вкусна уже тем, что её тебе принесли.

— Я тоже первое время стучал, — сказал сосед, жуя. — Месяца три. Каждую ночь, как на работу. Жена говорит: руки отобьёшь, дурак. А я стучу.

— И что?

— А что. Ничего. Пошли, покажу.

Квартира у него была такая же, как моя, только обжитая до последнего сантиметра: ковёр на стене с оленями, сервант с хрусталём, который доставали раз в год, телевизор под вязаной салфеткой, будто ему тоже бывает холодно. В спальне сосед показал на потолок.

Я сначала ничего не увидел. Потом увидел. Вмятины. Круглые, неровные, десятки. Целое созвездие, как следы града на крыше машины. Все аккуратно заделаны шпаклёвкой и закрашены краской чуть белее, чем надо, но в полумраке почти незаметно.

— Зашпаклевал потом, — сказал сосед со смущённой гордостью. — Некрасиво же. Гости приходят, спрашивают.

Я смотрел на эти заделанные кулаки и молчал. Так смотришь на чужой шрам и вспоминаешь, что у тебя на том же месте ссадина, ещё свежая, ещё саднит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.